

Р. Г. Кузеев, В. Я. Бабенко

**МАЛЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

[по материалам СССР]

История человечества — это история непрекращающихся этноэволюционных и этнотрансформационных процессов, охватывающих все без исключения районы ойкумены. Глубина и интенсивность этих процессов зависят от социально-экономических, политических, культурных и других факторов. Существенное значение для этнических процессов имеют контакты крупных этносов с малыми этническими группами. Последние нередко становятся компонентами формирующихся или сформировавшихся народностей и наций, накладывая определенный отпечаток на язык, антропологический тип, материальную и духовную культуру той этнической общности, в среде которой они растворились¹.

В древности и в средние века этнические процессы обычно проходили замедленно, в новое время их течение ускоряется, а в современную эпоху достигает особой активности. Такое нарастание темпов объясняется усилением межэтнических контактов, вызванных миграциями, и, как следствие этого, ростом мозаичности этнического состава населения различных районов СССР и земного шара.

Широкое распространение получил тезис, согласно которому крупные этносы в процессе продолжительных этнических контактов активно воздействуют на малые этнические группы и зачастую растворяют их в своей среде. В принципе это верно, однако общие закономерности и особенности функционирования малочисленных этнических групп в процессе этих контактов слабо изучены. На различных этапах взаимодействия малые этнические группы (МЭГ) могут вести себя неодинаково. Продолжительность и интенсивность, общие черты и особенности этнических процессов у МЭГ зависят от различных факторов. Выявлению этих факторов и анализу их роли посвящена настоящая статья. Представляется наиболее важным установить общие черты поведения МЭГ в иноязычной среде, так как и этот аспект не получил пока достаточной разработки. Статья подготовлена на основе полевых наблюдений авторов; использована и этнографическая литература, содержащая фактический материал об этнических процессах в полиэтнической среде².

В условиях активизации этнических процессов в СССР, особенно в районах Крайнего Севера, Сибири, Урала, Дальнего Востока, а также в связи с указаниями XXVI съезда КПСС о необходимости учета специфических запросов граждан некоренных национальностей в области языка, культуры и быта и своевременного удовлетворения этих запросов³, изучение закономерностей поведения МЭГ в иноэтнической среде приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Актуальность исследования этих закономерностей усиливается благодаря постоянному росту численности населения, живущего вне своих этнических территорий. Так, в 1959 г. в иноэтническом окружении за пределами своих

¹ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1979; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981; *его же*. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983; Еремеев Д. Е. Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка). — Советская этнография (далее СЭ), 1967, № 4; Алексеев В. П. Антропологические исследования на Кубе. — В кн.: Расы и народы, вып. 9. М.: Наука, 1979.

² Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980; Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М.: Наука, 1979; Зинич В. Т., Наулко В. И. Культурно-бытовое сближение народов Украинской ССР. — СЭ, 1972, № 6; Васильева Г. П. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане. — СЭ, 1968, № 1, и др.

³ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976, с. 57.

союзных и автономных республик, а также автономных областей и округов, проживало около 36,5 млн. чел., в 1979 г. — уже 49,1 млн. чел.⁴.

Задачи изучения этнических групп, живущих в отрыве от этнического ядра, вызвали необходимость выделения в иерархии историко-культурных общностей еще одной структурной единицы — МЭГ. При исследовании этнических процессов необходимо иметь четкое представление о том, что общего у МЭГ с малыми народами и национальными меньшинствами и чем они от них отличаются. Определение малых народов и национальных меньшинств дал А. И. Кузнецов: «„Малыми народами“ должны называться коренные народы (разрядка наша. — Р. К. и В. Б.) отдельно взятой страны по отношению к значительно превышающему их численностью основному народу (или народам) той же самой страны»⁵. Если этническая территория малых народов расчленена государственными границами (как, например, у саамов, эскимосов, айнов и др.), то одна и та же этническая общность является малым народом в рамках как одного, так и другого политического образования. Национальные меньшинства «представляют собой части народов, основная масса которых живет в других странах (разрядка наша. — Р. К. и В. Б.), занимая свою этническую территорию, и составляют меньшинство как своих народов, так и населения стран проживания»⁶. Термин «национальное меньшинство» мы предлагаем применять в том случае, когда необходимо подчеркнуть неравноправное положение его представителей в том или ином антагонистическом обществе. В социалистических странах вместо термина «национальное меньшинство» правильнее, на наш взгляд, использовать термин «национальная группа» (курды, айсоры, дунгане в СССР). Термином «этническая группа» предпочтительно называть часть этноса, которая в силу тех или иных обстоятельств оторвалась от этнического ядра и проживает на некотором определенном удалении в рамках того же политического организма, что и материнский этнос (украинцы в РСФСР, Казахстане, Узбекистане и т. д.).

Под МЭГ мы подразумеваем сравнительно небольшую по численности (от 100 до 100 тыс. чел.) этническую общность, живущую в территориальном и хозяйственном отрыве от основного массива материнского этноса, расселенную дисперсно или компактно на определенной территории⁷ и находящуюся относительно длительное время в численно превосходящем иноэтничном или полиэтничном окружении.

Исходя из классификации этнических общностей, разработанной Ю. В. Бромлеем⁸, и приведенных определений МЭГ, национальных групп и малых народов, можно сделать вывод, что национальные группы и МЭГ представляют собой не что иное, как этнические (этносоциальные) образования. Главным их общим признаком является обособленность и определенная отдаленность от основного этнического массива. Малые народы — это этносоциальные организмы, коренное население данного региона.

Вместе с тем, сходство между МЭГ и национальными группами не означает их полного тождества; национальные группы образуются и существуют за пределами политического организма, в составе которого находится этническое ядро. МЭГ и материнский этнос функционируют в рамках одного государства, хотя пребывают в известной территориальной и хозяйственной разобщенности.

Выделение МЭГ из всей совокупности этносоциальных общностей основывалось на тесной взаимосвязи количественных и качественных по-

⁴ Гурвич И. С. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза. — СЭ, 1982, № 6, с. 17.

⁵ Кузнецов А. И. Малые народы и национальные меньшинства (к постановке вопроса). — В кн.: Расы и народы, вып. 11. М.: Наука, 1981, с. 15.

⁶ Там же, с. 14.

⁷ Ю. В. Бромлей в зависимости от характера расселения (компактного или дисперсного) предлагает называть их этноареальными или этнодисперсными общностями. См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 73.

⁸ Там же, с. 57, 87.

казателей⁹. Исследование конкретного этнографического материала свидетельствует о том, что группа свыше 100 человек при определенных условиях (компактное расселение, пропорционально сбалансированная половозрастная структура, резкие этнокультурные отличия) может противостоять спонтанному растворению относительно длительный период. В поведении этнической группы, заметно превышающей численность в 100 тыс. человек, появляются новые моменты, не характерные для небольшой этнической общности. Такие этнические группы лучше противостоят ассимиляции, хотя периферийные дисперсно расселенные их части подвергаются этому процессу. В то же время указанные пределы численности МЭГ (от 100 до 100 тыс. человек) условны, хотя в советских статистических изданиях по народонаселению этот критерий (до 100 тыс., затем от 100 тыс. до 1 млн. и свыше 1 млн.) принят для классификации народов. Естественно, что этнические группы, несколько превышающие 100 тыс. человек, но с высокой степенью дисперсности расселения, с известной оговоркой также можно отнести к МЭГ.

Выделение МЭГ из общей совокупности этнических групп обусловлено, кроме количественных показателей, их территориальным размещением.

Формирование МЭГ и характер их расселения в иноэтничной среде зависят от разных факторов. Прежде всего следует назвать миграции населения, обусловленные в основном социально-экономическими причинами, связанными с сельскохозяйственным освоением слабозаселенных территорий¹⁰ или с новым импульсом в промышленном развитии районов вследствие открытия и разработки месторождений полезных ископаемых. Определенную роль играет и возникновение молодых промышленных и обрабатывающих центров (КамАЗ, БАМ и т. п.) как в слабо, так и в относительно плотно заселенных регионах. Способствует формированию МЭГ и бегство населения от социального гнета и религиозного притеснения в условиях антагонистического общества. Так в царской России сформировались за пределами этнической территории ареалы расселения мордвы¹¹, восточных марийцев¹² и других народов.

Иногда часть этноса может оказаться в положении МЭГ в результате освоения (активного заселения, «обтекания» или расчленения) его этнической территории другим, более многочисленным этносом. В результате возрастает дисперсность расселения коренного народа, ослабляются традиционные этнические связи, размываются существующие и формирующиеся этнические общности, что могло отрицательно влиять на процессы консолидации, вести к обособлению отдельных частей этноса и образованию МЭГ. Особенно ярко это проявилось в процессе миграций русского населения в Поволжье, на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток и в некоторые другие регионы страны. Так, например, сформировались западносибирская, оренбургская и другие группы башкир, восточные и западные группы бурят и др.

Существенную роль в образовании МЭГ играли социально-политические причины (войны, национальный и религиозный гнет, изменения национально-государственных границ), в силу которых часть этноса оказывалась в отрыве от материнского этнического ядра и в иноэтничном окружении. Хорошо, например, известно, что миграции в результате религиозных притеснений в дореволюционной России и соседних странах

⁹ На зависимость качественной характеристики этнических процессов от численности этнической группы обратили внимание С. А. Арутюнов и Г. П. Сафина в работе «Малые японские группы в испаноязычных странах Латинской Америки». — В кн.: *Расы и народы*, вып. 12. М.: Наука, 1982, с. 189. См. также: *Зеленчук В. С.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979, с. 232—233.

¹⁰ Например, расселение латышей, молдаван, эстонцев, украинцев, белорусов и других народов в Поволжье, на Урале, в Сибири, Средней Азии, Казахстане и на Дальнем Востоке.

¹¹ Мордва: историко-этнографические очерки. Саранск, 1981, с. 28.

¹² *Сенеев Г. А.* Восточные марийцы: историко-этнографический очерк. Йошкар-Ола, 1975, с. 12—13.

способствовали формированию МЭГ русских старообрядцев в различных регионах страны¹³, а также восточных марийцев на Урале, армян на Украине, в России и Молдавии и т. д.¹⁴ Значительное число малых этнических групп сложилось на Урале и в Сибири в ходе правительственной колонизации. Переселения в феодальной России происходили как на добровольной основе, так и в принудительном порядке, когда в политических целях часть этноса насильственно переселялась в иную этническую и лингвокультурную среду, что вообще было характерно для классовых антагонистических обществ¹⁵.

Зачастую на образование МЭГ оказывали влияние одновременно несколько факторов. Так в Армении в XI—XVIII вв. и позднее в результате экономического, национального и религиозного гнета миграция армян на Украину¹⁶, в Молдавию¹⁷ и другие близлежащие и отдаленные регионы приняла значительные масштабы.

Малочисленные этнические группы формировались не только в сельской местности, но и в городах¹⁸. В урбанизированных регионах мигранты нередко оседали сначала в селениях, а потом постепенно перебирались в города. Особенно часто это происходило в тех случаях, когда окружающее сельское население резко отличалось по своим культурно-языковым характеристикам от мигрантов¹⁹.

Малые этнические группы при определенных условиях могли изменить свой статус и консолидироваться в этническую или этнографическую группу материнского этноса. В этнографические группы сложились, например, восточные марийцы в Башкирии, а также небольшие группы русских переселенцев в Приуралье и на Южном Урале. Последние в XVI в. представляли собой МЭГ, однако, постепенно разрастаясь, они территориально сомкнулись с основной массой великорусского этноса и сложились в этнографическую группу (горнозаводское население Южного Урала и Приуралья) с некоторыми специфическими чертами в языке и культуре.

На разных этапах этнической истории малые этнические группы вовлекались в разнонаправленные процессы, обусловленные политическими, социально-экономическими, культурно-языковыми и другими причинами. Анализ конкретного материала по народам СССР позволяет выделить несколько последовательных этапов в этническом развитии МЭГ, контактирующих с крупными этническими образованиями. Намеченные нами этапы применимы к большинству, но не ко всем МЭГ, так как факторы, определяющие функционирование группы в полиэтнической среде, множественны и пока недостаточно изучены. Тем не менее, приведенные выше примеры превращения МЭГ в этнические и этнографические (горнозаводское русское население Южного Урала, восточные марийцы) или в локально-территориальные группы, подтверждают наши наблюдения. Эти примеры показывают, что при воздействии определенной совокупности факторов развитие малой этнической группы может идти по пути трансформации в этнографическую или этническую группу или ас-

¹³ Русские старообрядцы бежали от гонений официальной православной церкви в Прибалтику, Молдавию, на Украину, Урал, в Сибирь, и другие районы страны. Подробнее см.: Терентьева Л. Н. Этническая ситуация и этнокультурные процессы в Советской Прибалтике. — В кн.: Расы и народы, вып. 9. М.: Наука, 1979, с. 139.

¹⁴ Зеленчук В. С. Указ. раб., гл. II и др.

¹⁵ После окончания русско-турецкой войны (1787—1791 гг.) запорожские казаки по указу Екатерины II были переселены для охраны южных границ России от воинственных горцев и Турции. См.: История Украинской ССР. Т. I. Киев, 1953, с. 393—395; Бабенко В. Я. Сім'я та родинні стосунки українських переселенців у Башкирії (кінець XIX — поч. XX ст.). — Народна творчість та етнографія, 1983, № 1, с. 48; Зеленчук В. С. Указ. раб., с. 52 и др.

¹⁶ Дашкевич Я. Р. Розселення вірменів на Україні в XI—XVIII ст. — В кн.: Український історико-географічний збірник. Київ: Наук. думка, 1971, с. 150—151.

¹⁷ При Александре Добром в 1418 г. около 3 тыс. армянских семейств, спасаясь от религиозных гонений, переселились из Армении в Молдавию.

¹⁸ Терентьева Л. Н. Указ. раб., с. 139—140.

¹⁹ Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике. — СЭ, 1965, № 5, с. 9—10.

симиляции в составе более многочисленного этноса. Таким образом, этнический статус МЭГ может, в зависимости от обстоятельств, как повыситься, так и понизиться. Общая же схема развития МЭГ, как мы ее представляем, следующая.

1. Внутри МЭГ на начальных этапах расселения в иноэтничном окружении заметно проявляются процессы консолидации. Они находят выражение в возрастании степени интенсивности этнического самосознания, в тенденции к слиянию в относительно сплоченную этническую группу, в нивелировке этнокультурных различий (если группа формировалась из выходцев из различных районов, имеющих определенные особенности в языке, материальной и духовной культуре); в некотором стремлении к относительной обособленности, ведущем к преобладанию числа эндогамных браков (в пределах этнической общности), к оседанию в моноэтнических поселениях или группах селений, к сохранению языка, традиционной материальной и духовной культуры.

Уровень и активность консолидационных процессов зависят от многих причин, прежде всего от особенностей территориального расселения взаимодействующих этносов. Как уже говорилось, мигранты, оказываясь в иноэтничной среде, стремятся восстановить привычную этническую обстановку. В городах и крупных иноэтнических поселениях они селились на улицах и в кварталах по национальному признаку. Нередко мигранты оседали в тех населенных пунктах, жители которых по своим языково-культурным характеристикам были им близки²⁰.

Характерной чертой усиления национального самосознания является стремление увековечить память о прежней родине в топонимике²¹, создание на этнической основе хозяйственных и административных единиц²², культурно-просветительных обществ, клубов, обращение к фольклору, национальному искусству, к народным праздникам, обрядам, обычаям, что в целом способствовало сохранению национальных традиций²³. У мигрантов наблюдается тенденция к установлению связей с родиной; ответная реакция прослеживается у этнического ядра, стремящегося поддерживать контакты с периферийными группами этноса²⁴. До

²⁰ Украинские переселенцы в Башкирии в 1926 г. проживали в 529 населенных пунктах (включая хутора, мельницы и т. п.). Из них в 438 жили только украинцы, т. е. поселения в этническом отношении были однородными. Подсчитано по кн.: Список населенных пунктов Башреспублики. Уфа: Башкнига, 1926. Как отмечают исследователи, это было характерно и для других регионов страны. См.: Чижикова Л. Н. Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины. — В кн.: Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М.: Наука, 1979, с. 15, 16, 19 и др.; Современные этнические процессы..., с. 167; Липинская В. А. Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края. — СЭ, 1968, № 2, с. 97, и др.

²¹ Современные этнические процессы..., с. 167.

²² В Башкирии в конце 1920 — начале 1930-х годов создавались сельские советы, включавшие селения, в которых проживали представители преимущественно одной малой этнической группы. Так, в селениях Шевченковского сельского совета (Мелеузовский р-н), Верхне-Кульчумского (Ермекеевский), Больше-Александровского (Белебеевский), Алкинского (Благоварский) и др. жили украинцы; в селах Кистенли-Богдановского сельского совета (Бижбулякский р-н), Аделькинского (Белебеевский), Нижнеулу-Елгинского (Ермекеевский) и др. — чуваша; в селах Ново-Суллинского сельского совета (Ермекеевский р-н) — мордва и т. п. Подобные явления наблюдались при создании колхозов, которые объединяли представителей одной этнической общности. См.: Список населенных пунктов Башреспублики; БАССР: Административно-территориальное деление на 1 июня 1940 г. Уфа: Башгосиздат, 1941.

Для компактных групп мордвы, расселившихся вне этнической территории в начале 1930-х годов, были созданы четыре мордовских национальных района, два из которых (Барановский — 46,6% и Шемышейский — 70,1% мордвы) были расположены южнее коренной этнической территории, два (Боклинский — 57% и Клявлинский — 57,7% мордвы) — в Заволжье. В дальнейшем национальный статус этих районов был упразднен. См.: Мордва: историко-этнографические очерки, с. 45.

²³ В данном случае фольклор символизирует этническую принадлежность к определенной общности. Широкое распространение получают любительские спектакли, выступления народных хоровых и танцевальных коллективов. Ср.: Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев. — В кн.: Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1982, с. 80—97.

²⁴ Так, в 1970-х годах в Башкирии гастролировали украинские театральные коллективы из Ровно, Черновиц, Ужгорода, Днепропетровска, Кировограда, Донецка, Во-

Великой Октябрьской социалистической революции существенную роль в консолидационных процессах играл надстроечный элемент — религия, что было особенно характерно для МЭГ, находящихся в иноэтничной и иноконфессиональной среде. Как уже отмечалось, в прошлом это нередко приводило к формированию этнографических групп (например, восточные марийцы в башкиро-татарской мусульманской среде).

2. В ходе первых контактов мигрантов с окружающим иноэтничным населением зарождаются предпосылки для процесса взаимного сближения. Постепенно нарастая, этот процесс становится основной тенденцией этнического развития. Сближение способствует ослаблению связей, в первую очередь хозяйственно-экономических, с прежней родиной; устанавливаются преобладающие, а затем господствующие экономические связи с местным населением. Большое значение в развитии интеграционных процессов имеют близость языка, однородность хозяйственно-культурного типа (ХКТ), природно-географическая среда, в которой он формируется. Чем ближе язык, быт и культура МЭГ и окружающего населения, тем более интенсивно протекают межэтнические контакты. Резкие различия в ХКТ, образе жизни, языке, напротив, тормозят процесс этнокультурного сближения. Вместе с тем следует отметить противоречивость этого явления. В привычных естественно-географических условиях переселенцы долгое время сохраняют традиционные трудовые и производственные навыки. В непривычной же экологической среде мигранты, стремясь адаптироваться к новым условиям, перенимают рациональный опыт местного населения, что накладывает отпечаток на занятия, формирует своеобразные черты их хозяйства.

В результате дальних миграций сформировались такие локальные группы русских на крайнем северо-востоке страны, как русско-устинцы (на р. Индигирка) и марковцы (в низовьях Анадыря). Освоив тип и приемы ведения хозяйства местного населения (охота и собаководство), они сохранили русский язык и традиционный фольклор²⁵. Подобные примеры можно привести и по русским, белорусам, украинцам в Средней Азии, где они освоили поливную технику земледелия, способы возделывания неизвестных им прежде культур²⁶.

О сближении МЭГ с окружающим населением свидетельствуют появление и нарастающее развитие билингвизма. Совершенствование знания языка основного этноса приводит к тому, что малые этнические группы предпочитают вести обучение детей не на родном языке, а на языке большинства населения или на языке межнационального общения. Значительную роль в этом процессе играют межнациональные браки, доля которых зависит от степени дисперсности расселения МЭГ, половозрастной структуры, языковой и этнокультурной характеристики контактирующих этносов.

В тех районах, где коренное население резко отличается от вкрапленных этнических групп по этнической и лингвокультурной характеристикам, межнациональные браки заключаются преимущественно между некоренными национальностями. При этом у коренных народов Средней Азии и Кавказа в межнациональные браки вступают в основном мужчины; женщины участвуют в них мало. В то же время у русских, украинцев и других этнических групп в этих регионах в межнациональные бра-

рошиловграда, Сум, ансамбль «Подольянка», хор «Льонок». На сцене Башкирского государственного театра оперы и балета пели Е. Мирошниченко, Д. Гнатюк, А. Соловьяненко и другие мастера украинской сцены. Гастролировавшие коллективы выступали на сценах театров и дворцов культуры Уфы, Стерлитамака, выезжали со спектаклями в украинские села Башкирии.

²⁵ См. Современные этнические процессы..., с. 57.

²⁶ См. подробнее: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969; Оразбеков Е. Д. О хозяйственно-культурных связях казахского и русско-украинского переселенческого населения в конце XIX — начале XX в. (По материалам Тюлькубасского района Чимкентской области). — В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1977. М.: Наука, 1979, с. 136, 137; Зеленчук В. С. Указ. раб., с. 191, 199, 212, и др.

ки с представителями коренных народов чаще вступают женщины²⁷. Особенности этнических процессов в связи с межнациональными браками обобщены Я. С. Смирновой на материалах Карачаево-Черкесии. По ее мнению, быт и язык общения в национально-смешанной семье зависят от многих условий: национальности супругов, вступивших в брак; этнической среды, социального положения и образовательного уровня; структуры семьи, наличия в ней представителей старшего поколения; в сельской или городской местности проживает семья. «В более многонациональной городской среде,— пишет Я. С. Смирнова,— образ жизни меньше зависит от того или иного сочетания национальной принадлежности супругов, и, как правило, имеет очень смешанный характер... Несколько иначе обстоит дело в сельских районах. Здесь специфика быта в значительной мере зависит от того, на какой именно межнациональной базе возникла семья. Образ жизни сельской семьи, основанной на браке представителей близких по своей традиционной культуре коренных народов области, обычно мало чем отличается от образа жизни соседних несмешанных семей. Как правило, жена, поселяясь у мужа, в скором времени усваивает язык и культурно-бытовые навыки окружающего населения... Напротив, семьи, возникшие в результате брака мужчин местных народов с русскими или украинками (обратный вариант в сельских районах почти не встречается), обычно заметно выделяются из числа других семей, так как в этих случаях женщины не только сами приспосабливаются к новой бытовой обстановке, но и, в свою очередь, оказывают на нее сильнейшее воздействие»²⁸. В межнациональных семьях языком общения избирается обычно какой-то один язык, часто большинства населения или русский.

3. Постоянно усиливающийся процесс этнической интеграции заканчивается своеобразной ступенью этнокультурной адаптации, которая может рассматриваться как определенная стадия завершения процесса сближения МЭГ с окружающим иноэтничным населением. Эта стадия характеризуется сильными изменениями ХКТ данной МЭГ, воспринявшей местные традиции. Всей МЭГ теперь присущи билингвизм и бикультурализм²⁹. Этап адаптации характеризуется также взаимным распространением фольклора контактирующих народов; в отдельных случаях изменением конфессиональной принадлежности, дальнейшим распространением межнациональных браков, фактическая частота которых совпадает или близка к теоретической вероятности. При этом устойчиво сохраняется этническое самосознание, отдельные комплексы материальной и духовной культуры. Родной язык, уступая социальные функции языку большинства населения, употребляется в основном в быту. В силу особенностей исторического развития малых этнических групп, оказавшихся в отрыве от основного этноса и находящихся в активных контактах с окружающим населением, возникают локальные особенности в языке³⁰.

4. Продолжающиеся контакты МЭГ с иноэтнической средой приводят к аккультурации малой этнической группы, понимаемой нами как переход к новому ХКТ, не характерному для данной группы (в сходных природно-географических условиях традиционный ХКТ не исчезает). В процессе аккультурации развитие билингвизма сопровождается постепенной утратой родного языка и распространением языка окружающего этноса. Примером могут служить мордва-каратаи и мордва-тюрюхане, которые перешли, не утратив этнического самосознания, соответственно, на татарский и русский языки. У кавказских народов, живущих

²⁷ См.: Современные этнические процессы..., с. 475—477, 479; Смирнова Я. С. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии.— СЭ, 1967, № 4, с. 139—140 и др.

²⁸ Смирнова Я. С. Указ. раб., с. 141—142.

²⁹ Подробнее см.: Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм.— СЭ, 1978, № 2.

³⁰ Наумова О. Б. Материалы к изучению этнического самосознания омских и белгашских казахов.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1978. М.: Наука, 1980, с. 110.

небольшими группами в отрыве от основного этноса среди русских или других народов, резко возрастает число лиц с родным русским или другим языком. Так, по переписи 1959 г. 74,2% осетин, проживающих в Узбекской ССР, родным языком назвали узбекский, от 20 до 36% осетин, ногайцев, черкесов, адыгейцев, ингушей, лезгин — русский³¹.

Для аккультурации характерен высокий процент межнациональных браков, теоретическая вероятность которых равна или ниже фактической частоты. Особенно способствует заключению межнациональных браков, как уже отмечалось, близость языка и культуры брачащихся, например русских и украинцев, украинцев и белорусов, белорусов и русских, башкир и татар и т. п. Повсеместно наблюдаемая частота таких браков, за редким исключением, равна или выше теоретической вероятности³². Этническое самосознание поддерживается главным образом благодаря сохранению ряда элементов духовной культуры, а также этнической психологии, этнодифференцирующие функции которых повышаются. Иногда в этот момент оно выражено нечетко или в его развитии появляется своеобразная двойственность.

5. Последняя ступень этнических процессов у МЭГ — этническая ассимиляция, при которой полностью или почти полностью утрачиваются этноязыковые и этнокультурные признаки материнского этноса. В силу господства языка и культуры окружающего этноса, у членов МЭГ, начиная с молодого поколения, прежнее этническое самосознание постепенно заменяется новым. Отдельные особенности в материальной и духовной культуре, в языке утрачивают этнодифференцирующую роль³³. Однако в СССР, где в условиях равенства наций и народностей полностью отсутствует национальная предпочтительность (в обучении, в деловой карьере и т. д.), ассимиляция развивается медленно даже в городах. Для выяснения этнопсихологических причин стойкого сохранения национального самосознания, в том числе на уровне МЭГ, необходимы специальные исследования. Заключительная стадия этнокультурного развития МЭГ потребует длительного периода времени.

Этнической интеграции, а затем ассимиляции способствует утрата экономических и политических и ослабление культурных связей с родиной, наряду с усилением связи с окружающим этносом. На темпы и интенсивность протекания указанных стадий этнических процессов оказывает влияние характер расселения: чем выше дисперсность размещения МЭГ в иноэтнической среде, тем активнее протекают этнические процессы.

Значительная роль принадлежит при этом языку обучения в школе. Преподавание на родном языке сдерживает аккультурацию и ассимиляцию, укрепляет его позиции в общественной и семейной среде. Обучение на языке этнического большинства ускоряет этническую трансформацию.

В антагонистических обществах конфессиональная принадлежность членов МЭГ, с одной стороны, выступает в роли стабилизатора этнического самосознания, с другой — способствует их интеграции в рамках конфессиональной общности, в которой быстро нарушается этническая эндогамия. Это могло привести к дестабилизации этноса и к ассимилятивным процессам. Подобная ситуация чаще складывается тогда, когда контактируют разные по численности этнические общности и половозрастная структура меньшей из них не сбалансирована. О сближении, адаптации и аккультурации членов МЭГ с окружающим населением свидетельствует стремление этой группы порвать со «своей» религией и переи-

³¹ См.: Волкова Н. Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. — СЭ, 1967, № 1, с. 38.

³² См.: Современные этнические процессы..., с. 469, 475; Калышев А. Б. Межнациональные браки в сельских районах Казахстана (по материалам Павлодарской области. 1966—1979 гг.). — СЭ, 1984, № 2, с. 71—77, и др.

³³ Этнической ассимиляцией объясняется сокращение численности мордвы, карел, вепсов и некоторых других народов. Дисперсно расселенные группы указанных этносов в результате межнациональных браков постепенно растворяются в среде окружающего русского населения. Вероятно, имеет место и так называемая «внеfamilial» ассимиляция, однако вопрос этот изучен слабо.

ти в другую конфессию, которую исповедует большинство или значительная часть окружающего населения.

В условиях социализма роль религии неуклонно падает, но пережиточно сохраняющиеся различия в культуре и обычаях, связанные с религиозными предубеждениями, сравнительно долго сказываются на течении этнических процессов.

О роли межнациональных браков в интеграционных и ассимиляционных процессах и о направленности этих процессов свидетельствуют материалы по определению своей национальной принадлежности молодежи в межнациональных семьях. Если один из родителей — представитель МЭГ, а другой — коренного этноса, дети при выборе национальности отдают предпочтение последнему; если же один из родителей — русский, а другой — некоренной национальности, предпочтение отдается русской национальности³⁴. Таким образом, национально-смешанные браки способствуют не только языковой ассимиляции, формированию своеобразных черт в быту, культуре и т. п., но и, как правило, этническому растворению МЭГ в иноэтнической среде. «Из двух этносов, представители которых вступают в смешанные браки, обычно увеличивается тот, для которого характерно численное преобладание в соответствующем регионе»³⁵, — отмечает Ю. В. Бромлей.

Взаимодействие между малыми этническими группами и окружающим этносом — двустороннее. С одной стороны, представители МЭГ воспринимают рациональный опыт ведения хозяйства, элементы или отдельные комплексы материальной и духовной культуры окружающего этноса, с другой — сами оказывают в той или иной степени влияние на этническое большинство³⁶.

В различных социально-экономических и политических условиях этнические процессы у МЭГ характеризуются определенными особенностями. Как отмечал В. И. Ленин, развитию национальных отношений при капитализме присуща противоречивость³⁷. В дореволюционный период этнические процессы развивались двояко: естественно, свободно, подчиняясь закономерностям этнического развития, и насильственно, как выражение политики господствующих классов и наций. Правящие круги России, как и других многонациональных капиталистических стран, проводили политику ассимиляции мелких этнических групп и национальных меньшинств. Однако процессы интеграции и ассимиляции в условиях царской России сдерживались экономической отсталостью и политическим гнетом, национальными предубеждениями и враждой, насаждаемой духовенством рознью между представителями различных конфессий. В этих условиях этнические группы, в том числе и МЭГ, сохраняли обособленность. Часто в их среде возникали националистические настроения.

После Октябрьской революции в стране были устранены препятствия на пути сближения всех наций, народностей, а также этнических групп. Это нашло выражение в ликвидации всех форм и видов национального и политического гнета, национальной розни. Установление фактического равноправия народов нашей страны, претворение в жизнь ленинской национальной политики КПСС и Советского государства привели к ликвидации былой замкнутости наций, народностей и этнических групп и, как следствие этого, к их сближению, а в отдельных случаях к слиянию этнических групп с более крупными этническими общностями, т. е. к их естественной ассимиляции. Как указывал В. И. Ленин, естественная ас-

³⁴ *Калышев А. Б.* К вопросу об определении национальной принадлежности молодежи в межнациональных семьях. — Изв. АН КазССР. Серия общ. наук, Алма-Ата: Наука, 1983, № 3, с. 81—84; *Терентьева Л. Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. — СЭ, 1969, № 3, с. 27—28; *Ганицкая О. А., Терентьева Л. Н.* Межнациональные браки и их роль в этнических процессах. — В кн.: *Современные этнические процессы в СССР*. М.: Наука, 1977, с. 460—483 и др.

³⁵ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 116.

³⁶ *Зеленчук В. С.* Указ. раб., с. 201, 212; *Современные этнические процессы...*, с. 193; *Волкова Н. Г.* Рехцы: вопросы этнокультурных связей. — В кн.: *Полевые исследования Института этнографии*. 1978. М.: Наука, 1980, с. 154, и др.

³⁷ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 24, с. 124.

симиляция всегда имела прогрессивное значение³⁸. Вместе с тем, наличие национально-государственных образований на территории СССР, осуществление ленинской национальной политики по отношению к малым народам, МЭГ и национальным группам в районах их проживания, разнообразные культурные, родственные и иные связи представителей МЭГ с этническим ядром, способствуют устойчивому сохранению у них этнического самосознания.

Рассмотренные стадии этнических процессов у МЭГ представляют взаимосвязанные, но в то же время в определенном смысле самостоятельные этапы единого очень длительного и сложного пути этнического развития малой группы в иноэтнической среде. Они могут доминировать поочередно или совпадать в том или другом соотношении. Каждая стадия характеризуется детерминирующей общностью определенной совокупности черт. Приведенная схема, на наш взгляд, может быть использована в качестве инструмента исследования этнических процессов, механизма поведения МЭГ в ино- или полиэтнической среде, с определенной корректировкой в зависимости от конкретной этнокультурной ситуации.

³⁸ Там же, с. 125, 127.

В. Г. Власов

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Тема данной работы во многом подсказана А. Ермоловым¹, который собрал целую энциклопедию народной сельскохозяйственной мудрости, закреплённой в календарных приметах и рекомендациях, и считал, что дальнейшее тщательное изучение народного календаря приблизит нас к открытию коренных законов природы, предугаданных народной наблюдательностью. Одним из важнейших направлений исследований народного календаря должно быть установление его стиля, или, иначе, идентификация его дат с датами ныне принятого календаря.

Под «народным календарем», «месяцесловом», «календарными приметами» подразумеваются соответствующие понятия, зафиксированные собирателями в XIX—XX вв. и соотнесенные с датами юлианского календаря. Как известно, юлианский календарь неточен: его год длиннее тропического на 11 минут 14 секунд, погрешность в одни сутки накапливается за 128,2 года, или, усредненно, каждые 400 лет образуется расхождение в трое суток². В 325 г., когда юлианский календарь был принят для всего христианского мира, весеннее равноденствие приходилось на 21 марта, летнее солнцестояние — на 22 июня, зимнее солнцестояние — на 22 декабря. В X в. эти явления наблюдались соответственно 16 марта, 17 июня и 17 декабря (погрешность в пять суток) по юлианскому календарю, в XVI в. — 11 марта, 12 июня и 12 декабря (погрешность в 10 суток), в начале XX в. — 8 марта, 9 июня, 9 декабря (погрешность в 13 суток). Реформа календаря, проведенная в нашей стране в 1918 г., когда была ликвидирована 16-вековая погрешность юлианского календаря, возвратила календарную ситуацию IV в.: соответствующие астрономические явления снова пришлось на те же даты, что и во времена Никейского собора.

На этой подвижности юлианского календаря основано известное правило пересчета дат исторических событий на современный (григорианский) календарь. Даты событий, имевших место в IV в., отождествляются с датами современного календаря; даты событий V в. переводятся

¹ Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. I. СПб., 1901, с. 554.

² Селешников С. И. История календаря и хронология. М.: Наука, 1970, с. 63—68.